

Турецкая головоломка

© Малышева Д.Б.

© Malysheva D.

Турецкая головоломка

Turkish conundrum

Аннотация. В статье проанализированы парадоксы и зигзаги политики Турции, переживающей с начала 2000-х годов сложный период политической трансформации. Рассмотрены вызовы и риски, определяющие жизнь республики после прошедших 1 ноября 2015 года парламентских выборов, а также перспективы стабилизации внутривнутриполитической обстановки. Дана характеристика современному состоянию отношений Турции с соседями по региону и роли Турции в сирийском кризисе; выявлены некоторые особенности взаимодействия Турции с США и Европейским Союзом в контексте сирийского конфликта и наплыва мигрантов в Европу.

Annotation. The article is dealing with paradoxes and zigzags in the political development of Turkey which has been experiencing a difficult period of its political transformation since the early 2000s. The research reveals challenges and risks that define the life of the republic after the recent parliamentary elections, as well as the prospects for stabilizing the political situation. The author characterizes the current state of relations between Turkey and its Middle Eastern neighbors; Turkey's role in the Syrian crisis is also disclosed. The article identifies some features of the Turkey's interaction with the United States and the European Union in the context of the Syrian conflict and the influx of migrants to Europe.

Ключевые слова. Турция, парламентские выборы, «арабская весна», Партия справедливости и развития, Эрдоган, сирийские беженцы.

Key words. Turkey, parliamentary elections, Arabic Spring, the Justice and Development Party, Erdoğan, Syrian refugees.

Многочисленные аналитики и эксперты давно и с завидной регулярностью предрекают Турции разного рода беды: территориальный распад, который в первую очередь связывается с курдской проблемой; социальные катаклизмы и гражданские противостояния наподобие тех, что случились в ряде стран Ближнего Востока в период так называемой «арабской весны», да и много чего другого [2; 7; 8; 12 и др.]. Западными СМИ и политиками высказываются предложения о необходимости «смены режима» в Турции, в том числе и по модели, обкатанной американскими стратегами во многих странах мира. В турецком варианте это подразумевает уход с властного Олимпа правящей Партии справедливости и развития (ПСР) и ее лидера — амбициозного и непредсказуемого, по западным меркам, Реджепа Тайипа Эрдога-

на, бессменно руководящего республикой со времени прихода к власти ПСР в 2002 году.

Алармизм СМИ стал особенно заметен накануне 1 ноября 2015 года — дня проведения досрочных выборов, которые должны были определить состав турецкого меджлиса (парламента) 26-го созыва. Например, в опубликованной непосредственно перед выборами передовице британского журнала «Экономист» открыто заявлялось, что «турки должны проголосовать 1 ноября против правящей Партии справедливости и развития» [14].

Выбор Турции

Интрига состояла в том, что ранее — на состоявшихся 7 июня 2015 года очередных парламентских выборах — ПСР, имевшая до того в парламенте больше двух третей из 550 депутатских мест, не набрала большинства. Она получила лишь 258 мандатов (41 процент голосов) — существенно меньше по сравнению с выборами 2011 года, когда ПСР набрала 50 процентов. Голоса у сторонников правящей партии отняли представители главной оппозиционной силы страны — светской Народно-республиканской партии (24,95 процента), а также правой Партии националистического движения (16,29 процента) и прокурдской Демократической партии народов [5. С. 32]. Полученных голосов оказалось недостаточно для формирования однопартийного правительства, что сужало полномочия ПСР и лишало ее возможности провести через парламент важные решения. В их числе значилось изменение Основного закона страны с целью замены существующей в Турции не один десяток лет парламентской системы на президентскую. А ведь именно в том, чтобы ввести в Турции президентскую форму правления, и состоял основной замысел занимавшего долгое время пост премьер-министра Эрдогана. Состоявшиеся в Турции 10 августа 2014 года президентские выборы принесли ему победу (51,8 процента голосов избирателей), после чего председателем правительства и лидером ПСР (с 28 августа 2014 года) стал государственный деятель и дипломат Ахмет Давутоглу, занимавший до этого (с 1 мая 2009-го по 28 августа 2014 года) пост министра иностранных дел.

Переговоры о формировании правительственной коалиции закончились безрезультатно, поскольку все партии, кроме ПСР, выступили против лоббируемого ею перехода к президентской форме правления. Создание же правительства без ПСР оказалось невозможным из-за неустранимых противоречий внутри оппозиции, прежде всего между националистами, представленными в Партии националистического движения, и сторонниками предоставления больших политических прав курдам из Демократической партии народов.

После того как Давутоглу сообщил о невозможности сформировать коалиционное правительство с другими партиями, прошедшими в парламент, были назначены повторные выборы. Они имели ключевое значение для президента, нацелившегося на серьезное преобразова-

ние всей политической системы страны. Выборы должны были, кроме того, положить конец политическому кризису, начавшему набирать силу в Турции после утраты правящей партией монополии на власть. От результатов повторного голосования зависели во многом параметры взаимодействия Турции с Западом, который проявил нескрываемую заинтересованность в том, чтобы в Турции произошла смена режима, и к власти был приведен более покладистый по сравнению со «строптивцем» Эрдоганом политик. Ведь это сулило Западу определенные дивиденды — возможность влиять на траекторию дальнейшего развития Турции и использовать в своих интересах охлаждение в отношениях Москвы и Анкары, переживающих непростой период из-за разногласий по ситуации в Сирии.

Случилось, однако, неожиданное: со второй попытки ПСР сумела взять на выборах 1 ноября реванш, набрав 316 мест в парламенте, что позволяет партии единолично формировать правительство (для этого, по Конституции, необходимо простое большинство в парламенте — 276 мест).

Произошедшее можно рассматривать как несомненный успех Эрдогана, сумевшего переломить неблагоприятно складывавшуюся для него и его партии ситуацию. Есть также основания надеяться, что выборы положат конец, по крайней мере, на обозримый период времени, скатыванию Турции в полосу масштабного политического кризиса, наиболее болезненным проявлением которого стали теракты, организованные, как было официально заявлено турецкими властями, «Исламским государством» (организацией, запрещенной в РФ. — *Д. М.*) в Суруче (20 июля) и в Анкаре (10 октября). Другое дело, что проблемы, определявшие до выборов жизнь турецкого общества, а также и те, что были связаны с позиционированием страны на внешнеполитической арене, никуда не делись.

Внутренние риски

Речь, во-первых, идет о структурном кризисе, который переживает турецкая экономика, испытывающая на себе воздействие общемировой экономической стагнации. Если в первое десятилетие 2000-х годов правительство Эрдогана много сделало для реформирования национальной экономики, то в последующий период поступательное движение замедлилось, и население сталкивается в настоящее время с падающими темпами роста, дешевающей национальной валютой (лирой), инфляцией, растущим внешнеторговым дефицитом. Уровень безработицы превысил 10 процентов, при том что трудоустроиться не могут прежде всего молодые люди, являющиеся наиболее активным слоем турецкого общества [1]. Дополнительным бременем на экономику и социальную сферу ложится содержание размещенных в 72-х из 81 турецкой провинции 200 тысяч беженцев из Ирака и более 2 миллионов сирийских беженцев, и Турция остается страной, принявшей наибольшее их число. В одном только Стамбуле насчитывается 330 тысяч беженцев,

вследствие чего этот город прозвали даже новой сирийской «столицей» [10]. Премьер-министр Турции Ахмет Давутоглу в своем выступлении на 70-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН в Нью-Йорке заявил, что турецкие затраты на прием беженцев составили почти 8 миллиардов долларов, тогда как помощь из-за рубежа не превысила 17 миллионов долларов [9].

Во-вторых, обстановка в Турции накалена из-за многочисленных коррупционных скандалов, чей шлейф тянется за правящей верхушкой с 17 декабря 2013 года. Тогда в Анкаре и Стамбуле была проведена операция под кодовым названием «Большая взятка», в рамках которой (по обвинению в незаконной выдаче разрешений на строительство, фальсификации результатов государственных тендеров, получении многомиллионных взяток) были задержаны около сотни видных бизнесменов, чиновников, сыновей членов правительства. Тот факт, что многие из подозреваемых бизнесменов были близки к премьер-министру, свидетельствовал о главном адресате этой акции — Эрдогане. Не менее болезненным для этого политика стал другой аспект антикоррупционного скандала — его подготовка почти год осуществлялась втайне от высшего руководства ПСР, и это говорило о том, что ПСР не была монолитной силой, полностью подконтрольной своему лидеру. Очевидно было также и то, что развернутая антикоррупционная кампания инспирировалась частью элиты, которая конкурировала с ПСР, была недовольна стилем правления Эрдогана, считала, что он вообще засиделся в своем кресле, и потому его надо сменять выходцами из их собственных кругов.

В-третьих, в Турции по-прежнему остро стоит «курдский вопрос», а сами курды на юго-востоке страны не собираются складывать оружие. Объявленный с весны 2013 года мораторий на военные действия между Турцией и курдскими повстанцами длился недолго и был прерван в июле 2015 года после того, как турецкая авиация начала наносить удары в Сирии и Ираке по позициям «Исламского государства» и Рабочей партии Курдистана (РПК). Боевые отряды последней с конца 1970-х годов ведут вооруженную борьбу за создание независимого курдского государства, а в настоящее время являются одной из сил, которая оказывает ожесточенное сопротивление «Исламскому государству». Но в Турции РПК считается террористической организацией, и на нее, как правило, возлагают ответственность за совершаемые в стране акты террора. Не снята с повестки дня и угроза отделения от Турции населенных курдами районов, провозглашение ими независимости либо присоединение (что менее вероятно) к де-факто вполне автономно существующему Иракскому Курдистану.

Сохранилась, наконец, поляризация внутри турецкого общества в связи с неразрешенными противоречиями между сторонниками светского пути развития и исламистами. Их умеренное крыло представляет ПСР, все больше отказывающаяся от кемалистского наследия и светской западноориентированной модели, выступающая за трансформацию турецкого общества в более консервативное, пронизанное исламскими ценностями и традициями.

Все эти и другие нерешенные проблемы чреватy ростом социальной напряженности, усугубляемой недовольством части населения и элит тем, что в ущерб социальным программам значительные средства государство расходует на цели расширения турецкого геополитического влияния. Ситуацию усугубляют внешнеполитические диспропорции. Они особенно ощутимо сказываются на отношениях Турции со своими соседями.

«Ноль проблем с соседями»?

На протяжении нескольких лет и вплоть до наступления «арабской весны» внешняя политика Турции базировалась на концепции «стратегической глубины», разработанной тогда еще профессором политологии крупнейшего учебного заведения Турции — Университета Мармары — Ахметом Давутоглу [11]. Базовым в концепции Давутоглу был принцип «ноль проблем с соседями», позволивший в первое десятилетие 2000-х годов за короткое время создать вокруг Турции зону стабильности и безопасности. Этот принцип облегчил Турции разрешение или же сведение к минимуму многих проблем, омрачавших многие годы отношения Турции с Сирией, Ираном, Ираком, позволил развить на новой основе экономические и политические связи Турции со своими ближневосточными соседями.

Нерешенные проблемы чреватy ростом социальной напряженности, усугубляемой недовольством части населения и элит тем, что в ущерб социальным программам значительные средства государство расходует на цели расширения турецкого геополитического влияния. Ситуацию усугубляют внешнеполитические диспропорции.

С 2011 года регион начали сотрясать политические бури, и руководство ПСР взяло на вооружение иную стратегию, которая, как это казалось Эрдогану, больше соответствовала новым ближневосточным реалиям и изменившимся политическим приоритетам республики, в частности интегрировании в ее политическую систему исламских социальных и политических институтов и норм.

Сдвиг произошел и во внешней политике. Турецкое руководство солидаризировалось с евроатлантическими странами касательно порожденных «арабской весной» перемен на Ближнем Востоке и в Северной Африке. Еще до «панарабской революции» ПСР (сама вышедшая из шинели «Братьев-мусульман») установила тесные контакты с рядом ближневосточных организаций, считавшихся «умеренными исламистами»

(например, египетскими «Братьями-мусульманами»). Участвовало турецкое правительство и в спонсировании ливийских и сирийских оппозиционеров. Это означало, что Турция отмежевалась от своих прежних партнеров в лице правящих элит региона и подключилась к осуществляемому Саудовской Аравией и Катаром эксперименту по приводу к власти в арабских странах со светскими режимами партий «умеренных исламистов». Их в прошлом старательно выдавливали на обочину политической жизни авторитарные, но прозападные режимы в Тунисе и Египте.

Что касается позиции Турции в ливийских событиях, то первоначально она отличалась сдержанностью. Это объяснялось участием турецких компаний в инвестиционных проектах в Ливии, а также тем, что эта североафриканская страна, где на разных объектах трудилось свыше 30 тысяч турок, загружала Турцию огромным объемом строительных работ. Потому-то Турция не спешила признавать ливийских повстанцев в их противостоянии с режимом Каддафи, которому даже предлагала свое посредничество. В марте 2011 года Анкара выступила даже с критикой НАТО за ее вмешательство в ливийский конфликт [13].

Но по мере того, как все большее число стран (рассчитывавших, в числе прочего, и на заключение в Ливии «после Каддафи» новых бизнес-контрактов) признавало антиправительственных повстанцев, а союзники по НАТО множили здесь свои воздушные операции, Турция резко сменила курс, и уже 24 марта 2011 года парламент республики одобрил участие ее армии в военной операции НАТО в Ливии. В июле 2011 года Анкара признала законность Переходного национального совета (ПНС) Ливийской Республики (созданного противниками Каддафи как временный орган власти в самом начале гражданской смуты в Ливии, который впоследствии передал свои полномочия парламенту), утвердившегося на развалинах Ливийской Джамахирии, и выделила ему помощь в размере 300 миллионов долларов. После захвата противниками Каддафи 22 августа 2011 года Триполи делегация Турции во главе с ее министром иностранных дел первой прилетела в «освобожденный» город. А 16 сентября в Триполи для переговоров с новыми ливийскими властями прибыл Эрдоган.

Изменились отношения и с другим турецким соседом — Ираном. 14 сентября 2011 года Турция подписала с США меморандум о размещении на своей территории ПРО НАТО, что объективно было направлено против Ирана, нефть которого почти на 40 процентов обеспечивала экономику Турции. Не встретили в Анкаре особых возражений и решения наложить экономические санкции на Иран. А ведь еще в 2010 году Турция выступала в роли посредника в процессе налаживания диалога Ирана с Западом. В мае 2010 года было достигнуто соглашение между Турцией, Ираном и Бразилией, которое предполагало обмен на турецкой территории иранского низкообогащенного урана на высокообогащенный уран, произведенный в других странах. Хотя это соглашение так и не было реализовано, сам факт посреднических усилий Турции заметно поднял международный престиж ее дипломатии. Развивалось ира-

но-турецкое сотрудничество и в экономической сфере. Однако Турция вскоре предпочла политику, направленную на максимальное ослабление позиций Ирана в регионе, что плохо соотносится с национальными интересами Турции, но зато отвечает стратегическим целям аравийских монархий. Они стремятся для начала уничтожить светский режим Асада как главного союзника Ирана, а затем взяться и за сам Иран. Не оценили антииранских демаршей Турции и ее партнеры по НАТО: вскоре после подписания 14 июня 2015 года Венского соглашения по ядерной программе и начала процесса снятия санкций с Ирана они начали выводить с территории Турции зенитные ракетные комплексы Patriot (ЗРК «Пэтриот»). Это было обусловлено угрозой завладения ими боевиками «Исламского государства» или же использования этого смертоносного оружия на юго-востоке Турции, где развивается внутренний вооруженный конфликт с курдами.

В целом же проект превращения Турции в регионального лидера оказался несостоятельным. Были принесены в жертву не только добрососедские отношения со всем арабским окружением Турции, но и столь долго выстраивавшееся стратегическое партнерство с Израилем. Связи Анкары с этим ближневосточным государством были разорваны в мае 2010 года из-за инцидента с организованной Турцией «Флотилией свободы», попытавшейся прорвать израильскую блокаду сектора Газа.

Да, свержение Мубарака, Бен Али и Каддафи открыло дорогу для экспансии Турции в арабском мире, избавило амбициозного Эрдогана от влиятельных конкурентов, обладавших собственным видением региональных проблем и претендовавших на ключевую роль в решении многих из них. Турецкий премьер на какое-то время за свои антиизраильские эскапады стал кумиром «арабской улицы». Однако в итоге ближневосточного марша Турции периода «арабской весны» произошел отход от заявленной в официальной внешнеполитической доктрине республики цели — «ноль проблем с соседями», с большинством из которых Турция отношения испортила, что не повышает ее ставок на лидерство. Не случайно новую турецкую внешнеполитическую стратегию не без иронии стали называть «ноль соседей без проблем» [3].

Но особенно значительные метаморфозы произошли во взаимоотношениях Турции с Сирией.

Турция в сирийском кризисе

За несколько лет до начала «арабской весны» развитие турецко-сирийских отношений было отмечено положительной динамикой. Начиная с 1998 года обе страны запустили несколько интеграционных проектов, нацеленных на стимулирование двусторонней торговли и технико-экономического сотрудничества, сняли визовые ограничения, провели совместные военные учения. Заявляя в тот период о поддержке территориальной целостности Сирии, Эрдоган стремился в первую очередь предотвратить создание курдской автономии на северо-востоке Сирии, которая граничила бы с курдской автономией Северного Ирака

на востоке, а на севере — с провинциями Турции, населенными курдами. Но дружба закончилась в 2011 году, когда в Сирии вспыхнули массовые антиправительственные волнения, по итогам которых президент США Барак Обама впервые открыто заявил 18 августа 2011 года, что Башар Асад должен покинуть свой пост. В Анкаре тогда решили, что дни сирийского президента сочтены, и Турция открыто поддержала сирийскую оппозицию. Присутствовал в турецком восприятии сирийских событий и религиозный подтекст.

Выступив на стороне Саудовской Аравии и Катара в их противостоянии с сирийскими шиитами и алавитами (и по умолчанию с Ираном), Турция четко обозначила, таким образом, свою солидарность с суннитами, хотя и претендовала в свое время на лидерство во всем мусульманском мире. Напомним, что мусульмане Турции — преимущественно сунниты, а местные алавиты (*алави*, как их называют в Турции) — религиозное меньшинство, представители которого не занимают, в отличие от их братьев по вере в Сирии, каких-либо влиятельных позиций. Вместе с тем в Турции и США по-разному смотрят на перспективы религиозных общин в «постреволюционной» Сирии, где их общей целью стало свержение режима Асада. Вашингтон настаивает на том, что любой исход сирийского кризиса должен гарантировать религиозный и этнический плюрализм. Турция же, занятая налаживанием тесных связей с ведущими силами суннитской оппозиции в Сирии, стремится максимально ограничить в их правах сирийских курдов и сурово наказать поддерживающее Асада алавитское меньшинство. Что касается альянса Турции с арабийскими монархиями, то следует признать, что он во многом носит ситуативный характер, ибо ни Саудовская Аравия, ни Катар, ни другие монархии не доверяют ни Турции, ни тем более Ирану, а в поддержании тесных контактов с государствами Персидского залива в большей мере заинтересован сам Эрдоган.

Если при развитии ливийского конфликта инициатива действий в отношении местной оппозиции больше принадлежала Франции, то в случае с сирийским кризисом эту роль попыталась взять на себя Турция, занявшая сторону оппозиции и выступившая с призывами к Башару Асаду уйти в отставку. Подобный поворот в политике Турции можно было бы объяснить либо курдской проблемой, традиционно являвшейся камнем преткновения в сирийско-турецких отношениях, либо территориальными и водными спорами с Сирией — их Турция намеревалась решить в свою пользу. Однако эти противоречия с Сирией существовали всегда. А вот использовать гражданское противостояние в этой стране для повышения своего международного престижа, превращения Турции в новый центр ближневосточной политики стало для Эрдогана и его соратников сверхзадачей, определившей в конечном итоге в целом негативную роль Турции в сирийском кризисе.

В Турции стал базироваться созданный 23 августа 2011 года аналог Переходного национального совета Ливийской Республики — Сирийский национальный совет, в состав которого вошли как оппозиционные политики, так и сирийские «Братья-мусульмане». Турция предоставила

свою территорию и для размещения «Свободной армии Сирии»: о ее создании из дезертиров сирийских вооруженных сил было объявлено 29 июля 2011 года. Турция подписалась также под решением Лиги арабских государств (ЛАГ) ввести против Сирии жесткие экономические меры. Поддержала Турция и многие радикальные исламские структуры, включая филиал «Аль-Каиды» в Сирии «Джебхат ан-Нусра» (эта террористическая организация запрещена в Российской Федерации). С территории Турции эти группировки получают постоянное снабжение оружием, боеприпасами и живой силой.

Лидеры ПСР неоднократно заявляли о возможности военного вмешательства, если ситуация в Сирии будет угрожать безопасности Турции. Однако единоличное военное вторжение с целью поддержки только одной стороны внутреннего сирийского конфликта может серьезно повредить имиджу Турции в арабском мире и ее статусу региональной державы. Поэтому Анкара заявляла о готовности пойти на такой рискованный шаг, непредсказуемый по своим последствиям, только в составе коалиции из стран НАТО или ООН. Этим объясняется та настойчивость, с которой Запад и страны ЛАГ во главе с Саудовской Аравией и Катаром добивались в последнее время в Совете Безопасности ООН принятия резолюции с требованием к официальным властям Сирии прекратить военные операции против тех, кого противники Асада называют повстанцами. Если бы такое решение было принято, его можно было бы при желании использовать в качестве оправдания — как это и произошло в свое время в Ливии — для навязывания Сирии силовым путем и извне формы политического урегулирования.

Озабоченность Турции в связи с дилеммой — принять или не принять участие в гипотетическом военном вторжении в Сирию — связана во многом с неурегулированной курдской проблемой, которая остается ахиллесовой пятой Турции. До нормализации в 1998 году отношений с ней Сирия была главным спонсором РПК; на территории Сирии долгое время находился и лидер партии Абдулла Оджалан. Его арест в 1998 году позволил Турции на время снизить напряженность в районах, которые контролировала РПК. Одновременно с этим турецким генштабом вынашивался план создания на границе с Сирией «буферной зоны» — наподобие той, что была создана в 2003 году на севере Ирака, чтобы воспрепятствовать проникновению на турецкую территорию курдских боевиков.

Правительство Эрдогана прилагает в настоящее время все силы к тому, чтобы помешать созданию на своей границе «Сирийского Курдистана», и в этом с Турцией солидарен не только официальный Дамаск, но и Тегеран: во всех трех столицах «курдский сепаратизм» воспринимается одинаково негативно. В отличие от США, которые поощряют курдов на создание какой-либо формы автономии на севере Сирии, объясняя такую свою тактику тем, что именно курды оказывают наибольшее сопротивление террористическому интернационалу, воюющему в Сирии.

Если по курдскому вопросу позиции Турции и США расходятся, то активно лоббировавшуюся Эрдоганом идею создания в Сирии «зон

безопасности» и «бесполетной зоны» США и арабийские монархии безоговорочно поддержали. Ясно, что такая зона нужна была, чтобы осуществить военное вторжение в Сирию, свергнуть правительство этой страны и дальше действовать по схеме, апробированной в Ираке и Ливии. Но, после того как по просьбе президента Сирии Башара Асада и согласно распоряжению Верховного главнокомандующего РФ В. Путина российская военная авиация приступила 30 сентября 2015 года к бомбардировке позиций террористических организаций на территории Сирии, планы создания подобных «зон» утратили актуальность.

Хотя Турция, несмотря на огромный внешний нажим, так и не решилась направить свои вооруженные силы для наземной операции в Сирии, финансирование Турцией действующих в Сирии антиправительственных группировок продолжается. Анкара оказывает им практическое содействие, невзирая на то, что часть этих группировок имеет радикально-исламистскую направленность, что порой сближает их с «Исламским государством». Турецкие власти закрывают на это глаза ради достижения в сирийском конфликте более масштабной цели — смещения президента Асада и установления в Сирии протурецкого, суннитского режима. Однако, втягиваясь самым непосредственным образом во внутривнутрирелигиозные, внутриэтнические распри на Ближнем Востоке, Турция создает реальную угрозу собственной внутривнутриполитической стабильности и территориальной целостности.

Взаимодействие с Западом и Россией

Между тем правящая верхушка Турции сталкивается с серьезными внешнеполитическими издержками в своих отношениях с Западом. Активная поддержка Эрдоганом антиасадовских сил и следование в русле западной стратегии в отношении Ирана и других стран Ближнего Востока не спасли его от критики со стороны США — за жестокое подавление протестных выступлений, наступление на гражданские свободы. Немного лучше выглядит взаимодействие Турции с Европейским Союзом, учитывая, что европейское направление остается для турецкой политики приоритетным, несмотря на усиливающееся в стране разочарование политикой Евросоюза.

Турция была принята в НАТО в 1952 году, в 2000-м получила статус кандидата на вступление в ЕС и является членом Таможенного союза ЕС. Однако переговоры о полноценном вхождении Турции в европейское экономическое пространство привели с годами лишь к увеличению количества критериев и положений, по которым Турция может быть принята в Союз. К настоящему времени вялотекущие переговоры о вступлении фактически остались в замороженном состоянии. Кризис, возникший в Европе в связи с наплывом беженцев и мигрантов, заставил европейских политиков смягчить риторику в отношении Турции, признать роль последней в решении проблемы с незаконной миграцией и вынужденными переселенцами с Ближнего Востока. Так, канцлер ФРГ А. Меркель обсудила в Стамбуле с президентом Р. Эрдоганом и премьер-

министром А. Давутоглу вопрос о создании в Турции «буферной зоны», которая, как надеются в Европе, оградит «старый континент» от миграционных потоков с Ближнего Востока. Меркель от имени Евросоюза пообещала Турции выделить помощь на обустройство беженцев в размере 3 миллиардов евро. Намечена также визовая либерализация и обещан прорыв в переговорах о членстве в ЕС. «Мы обсудили, — отметила Меркель в Стамбуле 18 октября 2015 года, — как мы можем сделать этот процесс (вступления Турции в ЕС) более динамичным» [6]. Вместе с тем министр иностранных дел ЕС Федерика Могерини и еврокомиссар Йоханнес Хан, заявив по итогам парламентских выборов в Турции, что они «будут работать с будущим правительством с целью дальнейшего повышения уровня партнерских отношений между ЕС и Турцией», не стали касаться вопроса полноправного членства Турции в ЕС. Это говорит о том, что к вступлению в ЕС результаты выборов Турцию скорее всего не приблизили.

Анкара, недовольная такой позицией партнеров и рассматривающая возможные альтернативы европейскому ТС, делает попытки самоопределиваться на международной арене. Этот процесс, однако, не обещает быть легким — как с внешнеполитической, так и с внутривнутриполитической точки зрения, поскольку Турция много сил и средств потратила на сближение с Брюсселем, и морально ей будет сложно порвать отношения с Таможенным союзом ЕС. Но это не исключает открытия перед Турцией новых перспектив на других внешнеполитических направлениях. Одним из них до уничтожения Су-24 было российское.

Так, 26 апреля 2013 года Турция в статусе «партнера по диалогу» стала участницей Шанхайской организации сотрудничества. А позднее, 24 октября, на заседании в Минске Высшего евразийского экономического совета президент Казахстана Нурсултан Назарбаев, сославшись на соответствующее пожелание Эрдогана, предложил обсудить возможность подключения Турции к Таможенному союзу. В 2015 году Россия и Турция отпраздновали 95-летие установления дипломатических отношений. Отношения двух государств вышли на уровень многопланового партнерства, а в сфере энергетики приобретали стратегический характер.

Турецкое направление было одним из важнейших для России на Ближнем и Среднем Востоке хотя бы вследствие широты собственных интересов Анкары. Сегодня наши страны стоят перед принципиально новыми вызовами, требующими своего осмысления. Укрепление энергетической безопасности, поиск новых источников экономического роста, определение векторов взаимодействия с Европейским Союзом и другими партнерами, недопущение дестабилизации на Ближнем Востоке и на Кавказе — все эти вопросы относятся к числу приоритетных как для России, так и для Турции. Актуальность сохраняет и проблема сотрудничества в Черноморском регионе, где традиционно пересекаются интересы обеих стран.

Начавшийся с воссоединения Крыма с Россией кризис на Украине поставил Турцию в сложное дипломатическое положение. На одной чаше весов для Анкары оказались ее обязательства перед западными союзни-

ками, а также и крымскими татарами, с которыми Турцию связывают исторические, культурные, религиозные узы. На другой — взаимоотношения с Москвой, которые характеризовались позитивной динамикой: объем торговли с Россией достигал 38 миллиардов долларов в год, Турция получала из России 50 процентов потребляемого ею газа и ежегодно принимала миллионы российских туристов.

Турция стала едва ли не единственной страной—членом НАТО, которая не ввела санкции против России. Не поддержала Турция, будучи сама многонациональным государством, и антироссийских настроений радикально настроенного меньшинства крымских татар. Это могло бы принести массу проблем в отношениях с курдами и спровоцировать совершенно нежелательную для Турции ответную реакцию со стороны России. Комментируя проявленный турецким руководством здоровый прагматизм, особенно примечательный на фоне позиций европейских стран и даже некоторых партнеров России по Таможенному союзу и ОДКБ, специалист по внешнеполитическим вопросам Турции Синан Ульген отмечал: «Турция придерживается осторожного подхода. С одной стороны, она придает значение принципу территориальной целостности государств; связана родственными узами с крымскими татарами и является членом НАТО. С другой стороны, существуют глубокие экономические связи с Россией и, помимо всего прочего, личные взаимоотношения между Путиным и Эрдоганом. Вот почему Турция не заходит так далеко, как США, в вопросе санкций против России» [4].

Нельзя при этом не отметить, что российско-турецкие отношения переживают в последние годы непростой период из-за разногласий по Сирии, существующих едва ли не с самого начала вооруженного конфликта в этой стране. РФ и Турция занимают принципиально разные позиции в отношении сирийского президента Башара Асада, визит которого в Москву 21 октября 2015 года был обставлен с особой торжественностью.

Отношения между странами осложнились еще больше на фоне начала операции России в Сирии. Турция отказалась пропускать российские самолеты через свое воздушное пространство и обвинила российских пилотов в нескольких эпизодах нарушения воздушных границ. В Анкаре, кроме того, обеспокоены упрочением ранее налаженных связей между российскими властями и руководством сирийских курдов: в Москве, как и в Вашингтоне, не исключают возможности привлечения курдского ополчения к участию в наземной операции под эгидой широкой антитеррористической коалиции, что рассматривается Турцией как угроза ее национальным интересам. По информации российского журнала «Коммерсантъ Власть», посетившие в конце октября Россию для участия в переговорах в МИД представители сирийской курдской автономии, планирующие открыть в России свое официальное представительство, заявили, что поддерживают любые действия РФ против воюющих в Сирии исламских радикалов. «Мы готовы присоединиться к любой коалиции про-

тив ИГ, — подчеркнула сопредседатель Демократического союза Асия Абдалла. — Вопрос о том, кто будет возглавлять эту коалицию, Россия или США, для нас не так принципиален» [5. С. 32].

Турецкая внешняя политика отличается важной особенностью: ее региональная составляющая — будь она направлена на ЕС, Ближний Восток, Россию, Центральную Азию или Кавказ — является неотъемлемой частью глобальной стратегии Анкары, претендующей на роль одного из влиятельных игроков современной мировой политики.

Турция оказалась нацеленной на расширение своего внешнеполитического влияния за счет обретения собственного «балканского», а также «кавказского», «среднеазиатского», других измерений, и эта стратегия ассоциируется с лидером страны Тейпом Реджепом Эрдоганом и его командой. Однако такая политика неизбежно будет вступать в противоречие с интересами России, других региональных и глобальных игроков. Что касается перспектив самого этого амбициозного внешнеполитического проекта, то реализовать его Турции будет не так уж просто. Несмотря на возросшие амбиции Турции, ее внешнеэкономический и внешнеполитический потенциал во многом лимитируется ее собственными серьезными внутренними проблемами, на преодоление которых понадобится и время, и благоприятная мировая обстановка. В сложившейся же ситуации со сложным комплексом обострившихся внешне-, внутривосточных и экономических проблем Турции придется искать новые нетривиальные решения. И тогда, возможно, куда легче можно будет расшифровать загадочную турецкую энигму.

Литература

1. **Асальюглу А.** Дефицит доверия: почему экономика Турции оказалась в западне // ИА REGNUM. 10.10.2015. — <http://regnum.ru/news/economy/1988535.html> (дата обращения: 09.11.2015).
2. **Баджык Г.** Куда катится Турция? // СІНАН (Стамбул). 16.10.2015. — www.cihan.com.tr/gu/Куда-катится-турция-1908580.htm (дата обращения: 09.11.2015).
3. **Глазова А.** Новая стратегия Турции на Ближнем Востоке. Турция вновь сближается с США и ссорится с Францией // Независимая газета. 26.12.2011.
4. **Джонс Д.** Украинский кризис вносит напряженность в турецко-российские отношения // Eurasianet.org. 08.05.2014. — <http://russian.eurasianet.org/node/60581> (дата обращения: 09.11.2015).
5. **Малаев М.** Взрывная волна. В Турции в решающую фазу вступила подготовка к досрочным парламентским выборам // Коммерсантъ Власть. 26.10.2015. № 42.
6. Меркель заявила о готовности способствовать ускорению вступления Турции в ЕС // Взгляд. 18.10.2015. — <http://vz.ru/news/2015/10/18/773023.html> (дата обращения: 09.11.2015).
7. **Сивов А.** Анкара на грани краха // Свободная пресса. 10.10.2015. — <http://svpressa.ru/politic/article/133601> (дата обращения: 09.11.2015).
8. **Akkoyunlu K.** Old Turkish Demons in New Faces? // Open Democracy. 23.10.2015. — www.opendemocracy.net/karabekir-akkoyunlu/old-turkish-demons-in-new-faces (дата обращения: 09.11.2015).
9. At UN, Turkish Prime Minister urges action to end Syrian crisis // United Nations News Centre. 30.09.2015. — www.un.org/apps/news/story.asp?NewsID=52072#.Vkc9-NLhDIU (дата обращения: 09.11.2015).

10. **Cetingulec M.** Syria's new capital... Istanbul // Al-Monitor. 14.09.2015. — www.al-monitor.com/pulse/originals/2015/09/turkey-syria-refugees-new-capital-istanbul.html (дата обращения: 09.11.2015).
11. **Davutoglu A.** Strategic depth: Turkey's international position. Istanbul: Kure Yayinlari, 2001.
12. **Gursells K.** Is Turkey heading toward civil war? // Al-Monitor. 13.09.2015. — www.al-monitor.com/pulse/originals/2015/09/turkey-pkk-clashes-heading-to-turk-kurd-strife.html (дата обращения: 09.11.2015).
13. PM rules out NATO intervention in Libya // Today's Zaman. 01.03.2011. — www.todayszaman.com/news-236960-pm-rules-out-nato-intervention-in-libya.html (дата обращения: 09.11.2015).
14. Sultan at bay. Turks should vote against the ruling Justice and Development party on November 1st // The Economist. 31.10.2015. — www.economist.com/node/21677201/print (дата обращения: 09.11.2015). ◆